ня доля экспорта в страны, с которыми Россия имеет режим свободной торговли, составляет менее 15%. Для сравнения: в режиме свободной торговли реализуются 85% экспорта Канады, около 75% экспорта стран Евросоюза (с учетом торговли внутри ЕС), 60% экспорта Чили, более 50% экспорта США. Китай подписал соглашения об участии в зонах свободной торговли с более чем 30 государствами и планирует обеспечить преференциальный режим экспорта в объеме около 40%.

Стратегическим упущением российской региональной торговой политики является отсутствие механизма, с помощью которого можно запустить функционирование зоны свободной торговли на пространстве СНГ, зафиксированной в Соглашении от 1994 г. На наш взгляд, была допущена серьезная политическая ошибка в переоценке прежним российским руководством сохранения привязки стран СНГ к интересам России за счет долговых инструментов и топливно-сырьевой и технологической зависимости. Сегодня отсутствует реальная основа для формирования зоны свободной торговли с участием всех 11 государств СНГ. Проект нового договора о создании многосторонней зоны свободной торговли СНГ находится на завершающей стадии согласования частных замечаний. Однако к новому договору пока не проявили интереса Азербайджан, Туркмения, Узбекистан (соответственно и Грузия, покинувшая СНГ).

Для России, как и для всего СНГ, последовательная модернизация собственной экономики и потенциала стран-партнеров представляется важнейшей предпосылкой, которая позволит занять достойное место во всем глобализирующемся мире [6].

Концептуальные подходы для выработки взвешенной внешнеторговой политики России на постсоветском пространстве следовало бы формировать с учетом трезвой и непредвзятой оценки реального экономического потенциала СНГ в качестве региональной организации. Учитывая, что ключевым партнером России на пространстве СНГ является Белоруссия, необходимо реально оценить возможность перевода двусторонних отношений на рыночные принципы. Ведь именно они могут послужить основой эффективного строительства Союзного государства, да, пожалуй, и завершения формирования Таможенного союза. Не следует переоценивать во многом конъюнктурные интеграционные ресурсы Украины на пространстве СНГ и в двустороннем российско-украинском партнерстве. Наконец, необходимо определиться, каким образом эффективнее использовать возможности ЕврАзЭС для его превращения в реальное ядро экономической интеграции, снять противоречия между государствами Таможенного союза и теми членами организации (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), которые пока по разным причинам не вошли в новый торговый альянс.

Литература

1. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / Отв. ред. Д.С. Львов. М.: Наука, 2004.
2. Мировой кризис и глобальные перспективы энергетических рынков. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
3. *Богомолов О.Т.* Анатомия глобальной экономики. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.
4. Глобализация: Россия и ВТО / под общ. ред. В.А. Михайлова, В.И. Кушлина, В.С. Буянова. М.: Изд-во РАГС, 2005.
5. *Загашвили В.С.* Экономические интересы России в условиях глобализации. М.: Магистр, 2010.
6. *Воробьев В.П.* Проблемы развития и реформирования СНГ. М.: Восток-Запад, 2009.

Елена ПОНОМАРЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ МИРОВЫХ КРИЗИСОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НАЧАЛО В «ГС» №5

В первой части статьи автором представлена теория циклов мировых экономических кризисов, их история и типология. Изложены ключевые позиции концепций Дж. Китчина, К. Жуглара, С. Кузнеца, Н.Д. Кондратьева, Ф. Броделя. Разработана классификация внешних и внутренних факторов циклов. Показаны меры предупреждения кризисов, принятые видными экономистами XIX-XX вв.

Еще одну группу исследователей циклического развития экономики составляют представители институционального и неоинституционального направления экономической теории.

Американский экономист и социолог Т. Веблен (1857–1929) в «Теории праздного класса» (1899) выводит понятие «индустриальная система», согласно которой капитализм («денежное хозяйство») проходит две стадии развития – господства предпринимателя и господства финансиста, когда финансы оттесняют реальное производство. Индустрия – сфера материального производства, бизнес – сфера обращения (биржевые спекуляции, торговля, кредит и т. п.) Индустрия представлена предпринимателями, ИТР, управленцами, рабочими, которые заинтересованы в совершенствовании сферы производства, а представители бизнеса стремятся лишь к

Елена ПОНОМАРЕНКО – доктор экономических наук, профессор

максимизации прибыли, производство само по себе их не интересует [1]. Бизнесмены и есть «праздный класс», не несущий полезной нагрузки; социальные иждивенцы, например, крупные финансовые магнаты [2]. На стадии господства предпринимателей прибыль была итогом предпринимательской деятельности. В условиях капитализма основным средством получения прибыли стал кредит – «праздный класс» с его помощью присваивает акции, облигации, другие фиктивные ценности, приносящие спекулятивный доход на основе манипулирования фиктивным капиталом. С нашей точки зрения, Веблен показал противоречие, лежащее в основе и современного кризисного развития мировой экономики.

Другой видный представитель американского институционализма, экономист и статистик У. Митчелл (1874–1948), разработал теорию экономических циклов как формы проявления конфликта между производством и бизнесом. Важным самостоятельным фактором, определяющим поведение людей, он считал денежный (обращение денежных знаков, деятельность финансово-кредитных учреждений) и, в отличие от Веблена, оценивал финансовый капитализм позитивно.

В работе «Экономические циклы» приводятся подробные эмпирические данные по изменению показателей в экономических циклах 1850-1925 гг. В 1946 г. выходит труд Митчелла «Измерение деловых циклов». Природа цикла выводится им из сферы обращения: деньги, акции, банки, биржи – институты, деятельность которых объясняется поведением человека в финансовой сфере. Он пытался прогнозировать хозяйственную конъюнктуру, одним из первых выдвинул идею индикативного планирования американской экономики. Ученый активно поддерживал администрацию Т. Рузвельта в области антикризисного регулирования экономики. Американский институционализм подготовил идейную почву «Нового курса» Рузвельта, во многом предвосхитив появление макроэкономической теории кейнсианства.

Поисками причин, содержанием и научным прогнозированием циклов экономического развития занимались не только экономисты, но и историки, демографы, социологи.

Известный французский историк и организатор науки Ф. Бродель (1902–1985) выявил вековые тренды. Речь идет о циклах продолжительностью 100, иногда 150-300 лет. Исследователь выделил четыре последовательных вековых цикла: 1250–1507-1510 гг. (с вершиной, или «точкой перелома» в 1350 г.), 1507-1510 – 1733-1743 гг. (вершина – 1650 г.); 1733-1743 – 1896 гг. (точка перелома – 1817 г.) и современный нам цикл, который начался в 1896 г. и закончится в 2040-2050 гг. Главной причиной вековых циклов Бродель считал не технологические инновации, а смену мирового экономического лидера. В первом цикле таким лидером была Италия, во втором – Голландия, в третьем – Англия, в четвертом – США.

Нам представляется, что абсолютному лидерству США приходит конец, о чем со всей очевидностью свидетельствует анализ кризиса 2007-2010 гг. Современные экономисты придерживаются разных точек зрения по поводу преемников глобального лидера. Выдвигается, например, предположение, что им может стать Китай. Но для этого ему необходимо еще как минимум 20-30 лет, что, кстати, совпадает с прогнозом Броделя об окончании четвертого цикла. На наш взгляд, регулирование мирового развития может перейти от одной страны к некому наднациональному органу, прообразом которого становится G-20 (форум лидеров 20 ведущих государств и экономик мира).

Идеи Броделя весьма актуальны в сочетании со взглядами исследователей, использующих инструментарий институционального анализа для изучения причин и последствий циклического развития.

Американский ученый Р. Хиггс, рассматривая последствия экономических кризисов на примере США, доказывает, что одним из важных итогов посткризисного развития становится усиление позиций и расширение полномочий современного государства, причем процесс этот необратимый, поскольку он исключает возврат к норме [2]. Необратимость связана не только с увеличением числа институтов (ведомств, административных структур, правовых прецедентов), но и с изменениями осознаваемого и воспринимаемого обществом набора норм и правил (или преобладающей идеологии), так как в ходе кризиса возникает новое понимание потенциальных возможностей, инструментов воздействия, рисков и полезного эффекта, связанных с действиями государства. По сути доказывается, что расширение полномочий государства зависит от влияния идеологии на экономическую политику и общественное сознание.

Усиление позиций государства рассматривается Хиггсом в трех измерениях: в экономике, идеологии и в историческом развитии. В экономической сфере это проявляется не только в росте государственных расходов, налогообложения и численности занятых в госструктурах, но и в расширении фактических полномочий государства в принятии решений по экономическим вопросам. История экономики демонстрирует, что такая ситуация складывается в основном в периоды кризисов общенационального масштаба, особенно во время обеих мировых войн и Великой депрессии, в ходе крупнейших мировых кризисов. В духовной сфере параллельно заметно меняется доминирующая идеология.

Говоря о так называемом инерционном феномене, Хиггс отмечает, что во время каждого серьезного кризиса государство резко разрасталось, затем, при завершении кризисной фазы, «отступало», но не к докризисному уровню, и даже не к тому, который был бы достигнут, если бы докризисные темпы роста «размера» государства сохранились, становилось все масштабнее. Иными словами, именно кризисы порождали не только временное, но и постоянное увеличение масштабов государства.

Почему государство разрастается именно в период кризиса? И главное: почему посткризисное «отступление» носит лишь частичный характер?

Во-первых, дело в степени доступности информации и, во-вторых, в возможностях быстрой масштабной реакции. Мало кто за пределами госаппарата обладает достаточной информацией, чтобы четко оценить характер возникшей критической ситуации и определить конкретный практический план по ее разрешению. Поэтому граждане в такой ситуации (война, кризис и т. п.) требуют от государства активных действий и меньших затрат времени на консультации с общественными силами, обсуждение альтернатив, т. е. на предусмотренные в рамках политического процесса процедуры.

При этом меры, принимаемые государством в чрезвычайной ситуации, как правило, ведут к значительному росту материальных или иных издержек для большинства граждан. Готовность же населения мириться с такими издержками, необходимыми для осуществления тех или иных политических и экономических мер, снижается с повышением объема издержек. Мы согласны с утверждением Хиггса, что граждане реагируют на издержки, которые они несут, только в том случае, если о них знают. Поэтому любое государство старается изобрести способы, позволяющие преобразовать материальные издержки в нематериальные: не прямое бюджетное финансирование, а дефицитное, инфляционное и т. п.

Однако никакие трюки с дефицитным или инфляционным финансированием, никакие фискальные манипуляции не способны изменить того факта, что общество упускает возможности, поскольку реальные ресурсы перенацеливаются с производства «масла» на производство «пушек» или иной продукции, которой отдает предпочтение государство в критический исторический момент. Именно это и есть подлинные, неустранимые полностью издержки. «Войны и кризисы в оборонной сфере, требующие гигантских бюджетных расходов, оставляют после себя массу должностных лиц, обладающих достаточным политическим влиянием, чтобы сопротивляться сокращению бюджета после окончания кризиса», – констатирует Хиггс и, ссылаясь на американского экономиста М. Фридмена, подводит итог: создать бюрократическую структуру легче, чем ее ликвидировать: бюрократы и количество правил, которые они изобретают, со временем демонстрируют инерционный феномен [3].

Почти двухсотлетняя история экономических кризисов и их теоретический анализ позволяют констатировать:

1. Теоретические обоснования следственно-причинной связи, содержания циклического развития экономики различны; они изменялись в течение последних 150 лет. Если на этапе промышленной революции господствовали кризисы промышленного перепроизводства, то в последующий период, особенно в условиях глобализации, доминируют кризисы в сфере денежно-кредитного обращения. Последствия нынешнего наиболее масштабного финансово-экономического кризиса еще до конца не проявились, однако двойственность его природы (разрушение и обновление) очевидна.

2. В большинстве международных кризисов дисбаланс провоцировался событиями на финансовом рынке (в разных его сегментах – фондовом, ипотечном, кредитном и т. д.). Это связано, по нашему мнению, с тем, что в эпоху глобализации, взаимозависимости экономик, свободных перетоков финансов, которые не знают границ, таможен и т. д., наиболее уязвимыми точками национальных хозяйств становятся именно финансовые рынки в силу их определенной «виртуальности». Мировые финансы давно оторвались от своей содержательной основы – мирового продукта, значительно превышая его реальный объем, выраженный в стоимости реальных ценностей: товаров, услуг, ресурсов. Мировой ВВП достиг в 2007 г. $67,2 трлн, а совокупные финансовые активы семи наиболее развитых стран – $94,3 трлн. Капитализация фондовых рынков в США составляла в 2007 г. $65,5 трлн и превысила в 4,5 раза ВВП США – $13,8 трлн. Операции с производными финансовыми инструментами (фьючерсы) в 48 раз превысили материальные активы США [4].

3. При преобладании взглядов на необходимость ограничения роли государства каждый кризис завершается усилением позиций национальных государств в регулировании социально-экономических процессов и их функций – антимонопольной, стабилизационной, перераспределительной и т. п. Для поддержки рынков многое берет на себя государство, однако все отчетливее встает вопрос его эффективности. Проблемы «оптимальности» размеров современного государства, степени вмешательства в экономические процессы, его эффективности в целом становятся крайне актуальными.

Время подтверждает вывод, сделанный 13 лет назад в докладе экспертов Всемирного банка на основе изучения роли 192 государств в изменяющемся мире: «Модель развития, при которой государство доминировало, провалилась, но то же самое произойдет и с развитием без участия государства. Развитие без эффективного государства невозможно» [5].

4. Сценарием дальнейшего развития может стать, по нашему убеждению, переход регулирующих функций в мировом хозяйстве от одной страны (США) к системе наднациональных органов власти и управления (G-20; ВТО, МВФ, ВБ) при существенной трансформации последних.

Литература

1. Американский институционализм: исследование инстинктивных основ поведения и коллективных действий в экономике / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 томах. Том 3. М.: Мысль, 2005. С.326-337.
2. *Хиггс Р.* Кризис, разрастание государства и идеологические сдвиги. URL: http://www.inLiberty.ru
3. Friedman 1984: 42, 115; Weaver 1978; Mitnick 1980: 206-214.
4. *Динкевич А.И.* Мировой финансово-экономический кризис (опыт структурно-функционального аннализа) // Деньги и кредит. 2009. № 10. С.23-24.
5. Государство в изменяющемся мире. Отчет о мировом развитии 1997. М.: Агентство экономической информации Прайм ТАСС, 1997. С.30.